

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

УДК [316.343+314.7](470.1|.2)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.94

Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика *

© **ЛЫТКИНА Татьяна Степановна**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

E-mail: tlytkina@yandex.ru

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия

© **СМИРНОВ Андрей Владимирович**, кандидат экономических наук, научный сотрудник

E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия

Аннотация. В статье обобщаются результаты многолетних исследований изменений условий жизни населения, проживающего на Севере при становлении торгового капитализма и распространении неолиберальной политики. Вытеснение рассматривается как институционально организованная форма исключения в виде государственной политики, активно поддерживающей социальную поляризацию, способствующей потребительскому способу освоения природных ресурсов и экстенсивному использованию прежде выстроенной инфраструктуры, а также сопровождающейся изоляцией опыта, игнорированием интересов и нарушением прав местных жителей. Доказывается, что советская политика, заинтересованная в привлечении рабочей силы для освоения Российского Севера и использовавшая для этих целей распределительную систему благ, не столько способствовала закреплению трудовых мигрантов на северной территории, сколько инициировала по окончании трудовой биографии их возвращение на родину. Позицию «временщика» формировали предлагаемые привилегии, служившие компенсацией за работу в неблагоприятных климатических условиях, не увязанные с перспективами развития северной территории. При этом интересы местных жителей, оказавшихся отрезанными от престижных рабочих мест и попавших в худшие условия жизни, регулярно игнорировались, а права не признавались. Если благодаря каналам вертикальной мобильности и интеграции в советскую распределительную систему удавалось сгладить несправедливость неравного распределения благ, то с переходом страны к рынку и началом нового этапа изъятия природных ресурсов скрыть это становится сложнее. При этом, учитывая, что процессы исключения получили дальнейшее распространение и теперь в число уязвимых групп попадают не только коренные жители Севера, но и второе поколение мигрантов, фокус конфликта сместился и выразился в отношениях жителей центра и регионов.

Ключевые слова: социальное исключение, вытеснение, миграционные процессы, неолиберальная политика, Северные регионы России, освоение и колонизация, советское наследие.

Expulsions in the Russian North: migration processes and neoliberal policy

© **Tatyana S. LYTKINA**, Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher

E-mail: tlytkina@yandex.ru

---

* Для цитирования:

Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 94–117. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.94

For citation:

Lytkina T.S., Smirnov A.V. Expulsions in the Russian North: migration processes and neoliberal policy. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 94–117. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.94

Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation

© **Andrey V. SMIRNOV**, Cand. Sci. (Econ.), Researcher

E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation

Abstract. The article summarizes the results of a long-term study of changes in living conditions of the population in the North during the formation of trade capitalism and the spread of neoliberal policy. Expulsion is considered as an institutionally organized way of exception in the form of state policy, actively supporting social polarization, contributing to consumer way of natural resource development and extensive use of before-built infrastructure, and accompanied by the isolation of the experience, disregard of the interests and violation of the rights of residents. The article proves that Soviet policy, interested in attracting labor to develop the Russian North and used a distribution system of goods for these purposes, did not contribute much to the consolidation of labor migrants in the northern territories as it initiated their return to the homeland at the end of their labor biography. The position of a “temporary worker” was formed by the proposed privileges, which served as a compensation for work in adverse climatic conditions but did not contribute to the prospects for the development of the northern territories. At the same time, the interests of residents, who turned out to be cut off from prestigious jobs and found themselves in worse living conditions, were regularly ignored, and their rights were unrecognized. If, through vertical mobility and integration into the Soviet distribution system, it was possible to smooth out the inequities in the distribution of benefits, it became more difficult to hide this with the country's transition to the market and the beginning of a new phase of natural resource extraction. Moreover, considering the exclusion processes have become more widespread. Now not only the indigenous peoples of the North but also the second generation of migrants are among the vulnerable groups. The focus of the conflict has shifted and expressed itself in the relations between the residents of the Center and the regions.

Keywords: *social exclusion, expulsions, migration processes, neoliberal policy, Northern regions of Russia, development and colonization, Soviet heritage.*

Введение

При изучении и оценке современных миграционных процессов в России отечественными учёными наблюдается серьёзный переко́с в сторону проблем, связанных с въезжающими в страну мигрантами и гастарбайтерами. Несмотря на то, что количество людей, перемещающихся внутри страны, значительно больше числа международных мигрантов (В 2017 г. объём внутрироссийской миграции составил более 4 млн человек, тогда как сумма выбывших и прибывших международных мигрантов была менее 1 млн [1, Щербакова Е.М.]), а возможные последствия могут носить драматический характер, процессы внутренней миграции и их взаимосвязь с перспективами развития регионов анализируются реже. Так, при понимании важности мигрантов для решения геополитических интересов страны [2, Рыбаковский Л.Л.], игнорируется их значимость в регионах; слабо обсуждается дискуссионный вопрос о выборе между будущими гражданами и временными работниками [3, Мукомель В.И., с. 44], что на уровне региона напрямую связано с проблемой формирования постоянного населения или привлечения временных вахтовых работников, а также с проблемой взаимоотношения коренных жителей и пришлых мигрантов [4, Рязанцев С.В.]. В исследованиях не учитывается советская практика миграций и её влияние на современную ситуацию, остаётся неизученной тема «двойного» влияния миграции на людей, которые на одном этапе жизненного цикла были вынуждены принимать потоки мобильной рабочей силы, а на дру-

гом — наблюдать, как они покидают обжитые места. Наконец, при значительном числе публикаций, анализирующих влияние государственной миграционной политики, отсутствует критичность по отношению к самому рынку [5, Лыткина Т.С., Ярошенко С.С.]. Исследователи по-прежнему мало обращают внимание на последствия проводимой политики и слабо рефлексируют по поводу уникальности России как территории с множеством регионов, имеющих свои особенности социально-экономического развития.

Для некоторых учёных исследование миграционных процессов на российском Севере может показаться надуманной проблемой, поскольку суровый климат является бесспорным аргументом в пользу оттока населения. Более того, существует точка зрения, что освоение территории, богатой природными ресурсами, обходится слишком дорого не только потому что холодно, но и из-за излишков населения, в связи с чем продолжающееся переселение с севера на юг может расцениваться как положительное влияние рынка на российскую экономику [6, Смирнов С., Гарсия-Исер М.; 7, Ефремов И.А.]. Они будут правы, но только в некоторой степени. Мы утверждаем, что климат — это значимый, но далеко не главный фактор северной миграции. Во-первых, отток населения наблюдается даже на территориях с относительно благоприятными климатическими условиями; во-вторых, при статистическом учёте регистрации на новом месте жительства в качестве причины отъезда менее одного процента выбывших указали несоответствие природно-климатическим условиям; в-третьих, в конце 1990-х гг. среди северян была распространена практика, когда они, реализовав своё право переезда по программе переселения, возвращались в суровые климатические места и продолжали там работать (напротив, желающие уехать, не могли себе этого позволить).

В данной работе миграционные процессы на российском Севере анализируются в рамках концепции вытеснения как формы институционально организованного исключения. Доказывается, что, с одной стороны, отток населения является следствием проводимой прежде советской политики, заинтересованной в воспроизводстве и содержании рабочей силы на Севере, при игнорировании интересов и непризнании жизненного опыта местных жителей; а с другой — процессами вытеснения, сегодня непосредственно связанными с новыми (само)расширяющимися экономическими границами капитализма: с чрезмерной эксплуатацией природных и трудовых ресурсов для получения дополнительной прибыли. Мы хотим сказать, что процессы социального исключения порождают процессы вытеснения, и показать, насколько они становятся неразрывно взаимосвязанными.

Новые способы эксплуатации всегда направлены на поиск уязвимых мест в политике и экономике, они порождены процессами исключения, способствующими укреплению структур социального неравенства, при ограничении реализации гражданских прав и возможностей управлять жизненной ситуацией слаборесурсными группами населения. Несмотря на то что «социальное исключение» и «вытеснение» имеют потенциал различных уровней объяснения (индивидуальный / территориальный), эвристические возможности этих двух концепций по существу являются звеньями одной цепи и заключаются в объяснении

процессов капитализации. *На уровне индивида* мы имеем систему ограниченных внешних возможностей, определяющих доступ к материальным и социальным благам и проявляющихся в свёртывании индивидуальных ресурсов и потребностей. *На уровне территории* результат вытеснения мы наблюдаем в виде сворачивания социального и экономического потенциалов, отсутствия оснований для устойчивого развития: как индивид лишается возможности управлять жизненной ситуацией, так и территория (территориальное сообщество) – стратегией развития. Вытеснение на уровне северных регионов России сопровождается утратой приоритетных прав на территорию и природные ресурсы, а также лишением возможностей влияния оставшихся граждан на процессы принятия решений о характере освоения территории с последующим снижением их уровня и качества жизни.

Осознавая тесную связь между концепциями «социального исключения» и «вытеснения», мы пытаемся укрепить позиции С. Сассен: дополняем отрефлексированный ею принцип единства общества и территории с представлениями К. Дорре о динамике развития капитализма (Landnahme). Если у Сассен вытеснение обнаруживается в «бегстве» населения [8, Sassen S.], то у нас — в защитных стратегиях, проявляемых в использовании ресурсов прошлого для компенсации негативного рыночного влияния [9, Burawoy M., Krotov P., Lytkina T.; 10, Ярошенко С.С.; 11, Лыткина Т.С.]. Мы также утверждаем, что территория, теряющая высококвалифицированных специалистов различных профессий, утрачивает возможности социально-экономического развития или, на языке экономистов, «конкурентные преимущества» (По мнению некоторых учёных, ожидания по поводу конкурентоспособности Севера неуместны [12, Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю.]), становится более уязвимой для дальнейшей эксплуатации: на территориях с истощённым человеческим капиталом формирование действенных защит от рынка затруднено. В свою очередь, отсутствие таких защит от рынка приводит к тому, что у капиталистических игроков появляется ещё (!) больше привилегий и возможностей для включения территории в свои стратегии накопления [13, Dörre K.]. В табл. 1 мы приводим основные категории концепции вытеснения, полагающиеся на концепцию экспансии и концепцию исключения.

Таблица 1

Вытеснение: теоретические рамки исследования

Концепции		Механизмы вытеснения
Вытеснение (С. Сассен)	Экспансия капитализма (К. Дорре)	Политика по отношению к Российскому Северу: <ul style="list-style-type: none"> • властные и финансовые коммуникации • поляризация общества через снижение социальной защиты и прекаризацию труда рабочих • сокращение и экстенсивное использование инфраструктуры с ухудшением качества предоставляемых услуг Усиление структур социального неравенства: <ul style="list-style-type: none"> • пространственное • урбанизационное (город / село)
	Социальное исключение как лишение возможности	<ul style="list-style-type: none"> • отраслевое • классовое • гендерное

	управлять жизненной ситуацией (А .Сен, С. Ярошенко, Т. Лыткина)	Процесс производства социальной позиции: <ul style="list-style-type: none"> • нарушение прав • игнорирование интересов • непризнание различий • изоляция опыта
--	---	--

Составлено авторами.

Экспансия предполагает распространение капитализма за счёт захвата и капитализации ресурсов, прежде не являющихся товарами. Ей сопутствуют властные и финансовые коммуникации, сфокусированные в столице, потребительский способ освоения природных ресурсов, поляризация общества и экстенсивное использование инфраструктуры. В свою очередь исключение, как мы отмечали выше, означает лишение возможности управлять личной жизненной ситуацией. Этому способствуют изоляция опыта, непризнание различий, игнорирование интересов и нарушение прав. Совмещение этих двух процессов ведёт к усилению структур неравенства.

Научная новизна статьи состоит в дальнейшем развитии концепции вытеснения, то есть отстранения местных сообществ от управления территорией. Показано, как политика в отношении северных территорий через расширение экспансии на макроуровне приводит к реакции населения на микроуровне — миграционному оттоку как несогласию на (вос)производство социальной позиции в условиях ограниченных возможностей жизни на Севере. Прежде чем перейти непосредственно к результатам исследования, представим исследовательскую стратегию изучения Севера.

Российский Север: понятие и методы изучения

Понятие «Север» не имеет устоявшегося определения и чаще ассоциируется с историко-культурными и / или географическими представлениями, чем с административным делением. Именно по этой причине к числу северных территорий России нередко причисляют Костромскую и Вологодскую области, не входящие в Крайний Север, или Томскую область и Красноярский Край, входящие в границы Севера только частично. Учитывая высокое влияние государственной политики на развитие Севера, включая создание системы стимулов для формирования миграционного притока в советский период, авторами принято решение выделять Север на основе административно-территориального принципа. Первые попытки районирования Севера в качестве «Крайнего Севера» были предприняты в 1932 г. До сих пор относительно к нынешним северным регионам применялось понятие «отдалённые местности» или «северные окраины, населённые туземными народностями» [14, Фаузер В.В, Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., с. 20] ¹.

В фокусе нашего внимания регионы России, территории которых полностью входят в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. В данный перечень

¹ В 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были введены два понятия: «Крайний Север» и «районы, приравненные к районам Крайнего Севера». Впоследствии перечень менялся, но существенно он расширился в 1992 г. Последние изменения внесены в 2012 г. В мае 2014 г. определён перечень сухопутных территорий Арктической зоны России. В данной статье Арктическая зона рассматривается как территория Севера.

полностью входят 13 субъектов РФ (табл. 2). Север крайне поляризован: практически половина населения проживает в крупных и средних городах, а остальное население – в малых городах и сельских населённых пунктах². Всего на Севере проживает 7 млн 850,9 тыс. человек. Несмотря на впечатляющую численность, она составляет лишь 5,3% населения России. В сравнении с Москвой и Московской областью, на территории, в 163 раза большей, проживает в 2,6 раза меньше населения.

Таблица 2

Численность населения регионов Севера России, 1989 и 2018 гг.³

	По переписи 1989 года			На 1 января 2018 года				
	всё население, тыс. чел.	в том числе:		все население, тыс. чел.	в том числе:		площадь территории, тыс. кв. км	плотность населения, человек на 1 кв. км
		городское	сельское		городское	сельское		
Российская Федерация	147 400,5	108 425,6	38 975,0	146 880,4	109 326,9	37 553,5	17 125,2	8,58
Северные регионы	9 633,1	7 608,8	2 024,3	7 850,9	6 362,4	1 488,5	7 623,7	1,03
Европейский Север	4 769,4	3 806,8	962,6	3 372,0	2 754,1	617,9	1 332,1	2,53
Республика Карелия	791,3	645,7	145,6	622,5	500,6	121,9	180,5	3,45
Республика Коми	1 261,0	952,3	308,7	840,9	656,8	184,1	416,8	2,02
Архангельская область	1 570,3	1 152,5	417,8	1 155,0	900,9	254,1	589,9	1,96
Ненецкий АО	54,8	34,3	20,5	44,0	32,0	12,0	176,8	0,25
Мурманская область	1 146,8	1 056,3	90,5	753,6	695,8	57,8	144,9	5,20
Азиатский Север	4 863,7	3 802,0	1 061,7	4 478,9	3 608,3	870,6	6 291,6	0,71
Ханты-Мансийский АО	1 268,4	1 152,8	115,7	1 655,1	1 528,3	126,8	534,8	3,09
Ямало-Ненецкий АО	486,2	378,6	107,6	538,5	451,4	87,1	769,3	0,70
Республика Тыва	309,1	145,6	163,5	321,7	173,9	147,8	168,6	1,91
Респ. Саха (Якутия)	1 081,4	721,2	360,2	964,4	632,9	331,5	3 083,5	0,31
Камчатский край	466,1	379,1	87,0	315,5	246,8	68,7	464,3	0,68
Магаданская область	385,3	325,6	59,7	144,1	138,2	5,9	462,5	0,31
Сахалинская область	709,6	584,8	124,8	490,2	402,0	88,2	87,1	5,63
Чукотский АО	157,5	114,2	43,3	49,4	34,8	14,6	721,5	0,07

Предлагаемое исследование является логическим продолжением изучения изменений условий жизни населения, проживающего на Севере, после распада СССР. Сбор глубинных интервью, выполненных в рамках качественной методологии, был начат в 1994 г. в столице Республики Коми г. Сыктывкаре и обусловлен первыми экономическими потрясениями, отразившимися на рабочих промышленных предприятий. Исследование носило лонгитюдный характер и было инициировано профессором Калифорнийского университета М. Буравым⁴. Чтобы лучше понять положение рабочих, мы встречались с ними каждые два года и проводили глубинные интервью в семьях до 2002 г. Позже (2010–2014 гг.) в фокусе нашего внимания оказались жители депрессивного города Инта, расположенного севернее

² Согласно официальной статистике (01.01.2018 г.) 40% населения Севера России проживает в крупных городах — 3 млн 152,0 тыс. человек и примерно столько же в малых городах, сёлах, и посёлках городского типа (пгт). В средних городах насчитывается 695,7 тыс. человек (9%), в малых — 1 млн 786,9 тыс. человек и 727,8 тыс. человек приходится на пгт. В сельской местности проживает 1 млн 488,4 тыс. человек или 19,0% жителей Севера.

³ Составлено на основе данных переписи населения 1989 г. URL: www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php (дата обращения: 09.12.2019) и статистического сборника «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году» URL: www.gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm (дата обращения: 09.12.2019).

⁴ Проект «Экономическая инволюция» (рук. проекта М. Буравой, Калифорнийский университет).

столицы республики⁵. Там также были проведены глубинные интервью, но на этот раз мы разговаривали не только с рядовыми гражданами, но и с руководителями органов власти и предприятий. Мы не оставили без внимания сельских жителей и, хотя это был самый краткосрочный проект в Удорском и Ижемском районах (2010 г.)⁶, именно он заставил обратиться к истории социально-экономического развития республики и освоения Севера.

Каждый раз, меняя уровни объяснения (индивид, локальное сообщество, население Севера), мы раздвигали теоретические рамки: теория социального исключения — режим социального исключения — концепция вытеснения. Интервью с рабочими показали стремительное снижение их материального благополучия и социального статуса. Повседневная реальность формирующегося российского капитализма вела не к накоплению (активизации) внутренних ресурсов, а к их диверсификации и последующему сворачиванию вместе с уровнем потребностей. Закрывание предприятий, длительные невыплаты заработной платы вынудили работников перенести экономическую активность с предприятия в домашнее хозяйство [15, Burawoy M., Krotov P., Lytkina T.]. Рабочие пытались защитить свои права, но, не получив поддержки остальной части общества, смирились в ожидании чуда, обещанного оптимистами рынка. Ожидание длилось недолго и сменилось осознанием утраты прав и несправедливости капиталистической системы. Их позиция принципиально отличается от позиции интеллектуалов, продолжающих верить в рынок и не доверять государству.

Раскол российского общества привёл к созданию множества социальных позиций, а индивиды, занимающие их, в борьбе за ограниченные ресурсы начали объединяться в замкнутые социальные группы, социальная дистанция между которыми увеличивалась вместе с ростом недоверия и социокультурной нечувствительности друг к другу. В результате местные сообщества небольших северных городов в условиях ограниченных возможностей, утратив самодостаточность и приобретя опыт неудач, «закрылись». Было замечено, что жители Республики Коми, формируя стратегии выживания, прибегают не к массовым протестным выступлениям, а к практикам взаимопомощи, содействующим такой социальной организации жизни, при которой становится возможна дальнейшая эксплуатация природных и человеческих ресурсов и экспансия капитализма. Теперь уже местные сообщества утратили взаимосвязь с остальной частью общества. Их прежний статус покорителей Севера был утрачен, а стратегии поведения на рынке труда, да и сама жизнь на Севере больше не имели ничего общего с показательными моделями успеха современного рыночного общества. Они оказались в числе тех исключённых коренных жителей, чьи интересы и права начали игнорироваться ещё до прихода советской власти и до начала масштабной индустриализации страны. Однако, при всей сложности положения, они не хотели признавать уязви-

⁵ Программа фундаментальных исследований УрО РАН, проект «Социальный потенциал Российского Севера: сети, доверие и практики взаимопомощи» №12-У-7-100 (рук. Т. Лыткина, ИСЭиЭПС КомиНЦ УрО РАН).

⁶ Проект «Постиндустриальная трансформация как фактор снижения периферийности пространства северного региона» программы фундаментальных исследований Президиума РАН, 2009-2011 гг. (рук. Т.Е. Дмитриева, ИСЭиЭПС КомиНЦ УрО РАН).

мого равенства, и по-прежнему считали, что коренные жители, несмотря на нанесённый ущерб их образу жизни, должны быть признательны им за развитие территорий в советские годы.

Если до сих пор в работе использовались качественные методы исследования социологии (кейс-стади), а пристальный взгляд был прикован к Республике Коми, то в 2016 г. мы обратились к нормативно-правовым документам, анализу статистики и документов стратегического планирования развития Севера. Мы осознаем, что у каждого северного региона свой опыт модернизации экономической деятельности; одни регионы «богаче» (ХМАО, ЯНАО, НАО), другие «беднее» (Тыва, Карелия); различны периоды освоения и масштабы миграций; многообразие национальностей в составе жителей региона сменяется однородностью и практически стопроцентным проживанием коренного населения (табл. 3). И всё же большинство регионов вошло в число северных ещё на стадии формирования нормативного регулирования Севера как территории, географически удалённые от центров расселения, находящиеся у северных границ страны и требующие освоения. Исключением является Республика Тыва, вошедшая в перечень районов Севера только в 1994 г.⁷ Она выступает своеобразным анклавом, находясь на юге России, не имеет масштабной добывающей промышленности и по многим показателям напоминает «депрессивные» аграрные регионы страны. Для остальных территорий характерен цикл освоения, когда на последней стадии наступает истощение природных ресурсов, что приводит к снижению экономической активности, падению уровня доходов населения и деградации социальной сферы. Важным фактором развития региона становится привязанность к месту жительства, заинтересованность граждан в развитии территории и их способность защищать свои права, что в значительной степени связано с численностью коренных жителей и долей уроженцев в северных регионах. Интерес к защите прав и влиянию на развитие территории выше там, где выше процент коренных жителей и уроженцев, а также выше вероятность их участия в структурах власти.

Таблица 3

Доля титульного этноса и уроженцев в северных регионах России по данным переписей населения 1939–2010 гг., %⁸

Регионы	Год образования	Титульный этнос	Доля титульного этноса							Доля уроженцев
			1939	1959	1970	1979	1989	2002*	2010*	2010*
Республика Карелия	1920	карелы	23,2	13,1	11,8	11,1	10,0	9,2	7,4	73,6
Республика Коми	1921	коми	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,3	23,7	70,9
Республика Саха (Якутия)	1922	якуты	56,3	46,4	43,0	36,9	33,4	45,7	49,9	78,5
Республика Тыва	1944	тувинцы	-	57,0	58,6	60,5	64,3	77,0	82,0	93,4

⁷ Тогда же вошли Республика Алтай и Бурятия, но частично, поэтому в отличие от Тывы в нашем анализе они не рассматриваются.

⁸ Составлено на основе итоги переписей населения URL: www.gks.ru, demoscope.ru/weekly/ssp/census.php (дата обращения: 09.12.2019) и Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Влияние миграции на этническую структуру населения севера России / Демографический потенциал стран ЕАЭС: сб. ст. VIII Уральского демографического форума. Том II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 541–548.

Ненецкий АО	1929	ненцы	11,8	10,9	15,0	12,8	11,9	19,0	18,6	71,0
Ханты-Мансийский АО	1930	манси	6,2	5,0	2,5	1,1	0,5	0,7	0,8	31,1
		ханты	13,1	9,0	4,5	1,9	0,9	1,2	1,3	
Чукотский АО	1930	чукчи	56,3	21,4	10,9	8,1	7,3	24,0	26,7	31,0
Ямало-Ненецкий АО	1930	ненцы	29,3	22,4	22,0	11,0	4,2	5,3	5,9	36,9
Архангельская область	1937	-**	93,6	91,5	92,1	92,4	92,1	94,4	95,6	82,0
Мурманская область	1938	-**	84,0	85,3	84,6	83,8	82,9	86,3	80,8	53,6
Магаданская область	1953	-**	-	73,3	78,3	77,6	72,5	80,4	81,5	53,4
Сахалинская область	1918	-**	82,9	77,7	80,4	81,7	81,6	84,8	82,3	68,0
Камчатский край	1932	-**	79,7	82,5	83,0	82,9	81,0	83,6	78,4	57,4

* В процентах к численности лиц, указавших национальную принадлежность / место рождения; ** доля русских — при отсутствии в регионе титульного этноса.

Таким образом, в статье сначала обобщаются результаты социологических исследований, позволяющих интерпретировать данные статистики и оценить основные тенденции в реакциях жителей северных территорий на изменение политики. Затем на основе официальных статистических сборников и бюллетеней Росстата (1990–2017 гг.)⁹, а также итогов переписей населения (1989 г., 2002 г., 2010 г.)¹⁰ проводится анализ миграционных процессов. Однако изучение численности и состава мигрантов, влияния миграционных процессов на изменение структуры постоянного населения Севера не позволяют определить направления миграционных потоков и интенсивность миграций на уровне городских округов и муниципальных районов Севера. Для реализации данной части исследования мы воспользовались недавно опубликованными показателями из Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)¹¹ и Базы данных показателей муниципальных образований (БД ПМО)¹².

Политики развития северных территорий: от советского распределения к постсоветскому вытеснению

Мы, коми, не умеем защищать свои права. У нас не осталось природных ресурсов, ими коренное население не распоряжается, ничего [ему] не принадлежит, ничего не имеет от них (природных ресурсов). Мы потеряли свой основной козырь – природные ресурсы. Нефть, газ и т.д., вся прибыль, всегда все уходит (м., руководитель муниципалитета, Удорский р-н)¹³.

⁹ Серии «Численность и миграция населения Российской Федерации», «Демографический ежегодник России», «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: <http://gks.ru> (дата обращения: 09.12.2019).

¹⁰ Переписи населения Российской Империи, СССР, России. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (дата обращения: 09.12.2019).

¹¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 09.12.2019).

¹² База данных показателей муниципальных образований. Росстат. URL: <http://gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 09.12.2019).

¹³ Это и другие интервью, использованные в статье, проведены в рамках проекта «Постиндустриальная трансформация как фактор снижения периферийности пространства северного региона» программы фундаментальных исследований Президиума РАН, 2009–2011 гг.

Сегодня я хочу сказать, оленеводу бедному становится сложно работать. Сегодня экспансия идёт нефтяной промышленности. Они сегодня забирают земли этих оленеводов. Сегодня на одном уровне одинаково участвуют в конкурсе на получение аренды на землю что нефтяник, что оленевод. Это разве правильно? Это разве подход? Почему я веду разговор о законе? Для чего закон нужен? Нужно расписать все правила игры в этом законе. Кто такой оленевод? Это же его земля, он же сюда оленей не привёл, олень тут родился, это его среда обитания (ж., руководитель предприятия, г. Инта).

Развитие капитализма нуждается в расширении способов и форм эксплуатации. Наиболее благоприятная среда — в некапиталистических обществах, особенно если они подвержены резкой критике и преисполнены веры в способности свободного рынка решать любые проблемы — какой и явилась Россия с развалом Советского Союза. Социалистическая система не только не смогла выработать действенные способы регулирования рынка, но и минимизировала рыночные отношения, оказавшись без иммунитета от рыночного давления [16, Виганов М.]¹⁴. В результате избыточный оптимизм по поводу достаточно лёгкой смены одной нормативной структуры (худшего варианта социально-экономического развития) на другую (идеальную модель) не только не оправдался, но и позволил сформировать ещё более жёсткую систему эксплуатации и насилия. Но прежде сама советская система, также как внедряемый в 1990-х гг. рынок, максимально использовала дискриминационные практики и способы угнетения предыдущей системы.

Между тем вспоминать о том, что основы политики колонизации Севера России, богатого природными ресурсами, были заложены в XIX в., не принято, как и то, что амбициозные планы царского правительства по преобразованию территории в процветающий край проводились в контексте догоняющей модернизации по образцу западноевропейской и американской природоэксплуатационных моделей хозяйствования [17, Коротаев В.И.]¹⁵. Освоение северных земель независимо от права собственности, согласия или терпимости

¹⁴ При интенсивном насаждении социалистической идеологии формы эксплуатации становятся видимыми (прозрачными), в то время как правила игры капиталистической системы приводят к их мистификации.

¹⁵ В конце XIX — начале XX в. оформилась политика российского этатизма: смысл всех и каждого — в служении государству. Само государство утратило сакральность, превратившись в полицейское и породив отчуждение между различными сословиями России. В это же время между Россией и иностранными государствами (Великобританией, Норвегией, Германией) развернулась острая конкуренция, прежде всего, по поводу рыбных промыслов. Норвегия, занимавшая второе место в мире по количеству вылавливаемой рыбы, стала диктовать свои условия в зоне лова русских поморов и активно вытеснять их с внутреннего рынка. В отличие от русских норвежцы принимали более деятельное участие в заселении приграничных районов Российского Севера. В результате этой активности к 1900 г. в Мурмане проживало русских колонистов 44%, финнов и норвежцев 43,5%, представителей северных народов (карелы и лопари) — 12,5% населения. Если на территориях Мурманской и Архангельской областей на природные ресурсы претендовали Великобритания, Норвегия и Германия, то на Дальнем Востоке браконьерствовали и спаивали местное население американские промышленники (Зуляр Ю.А. Предвзятый взгляд на индустриализацию Сибири. Часть 1 // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2011. № 1. С. 29–41). Иными словами, при сложной социально-политической ситуации внутри страны перед Россией остро стоял вопрос сохранения границ государства и права на использование природных ресурсов. Эти же проблемы сохранились с приходом советской власти.

широко поддерживались правительством, духовенством, промышленниками и интеллигенцией¹⁶ без учёта жизненного опыта коренных жителей Севера и практик их взаимодействия с природой. При игнорировании ценностной системы образ жизни местных жителей стигматизировался, а их самих считали недоразвитыми, чужими, «врагами прогресса», «туземным населением», «дикими народами» [21, Каменев А.А., с. 15; 16, Коротаев В.И., с. 46]. «Перекроить» северный мир должны были активные, предприимчивые, молодые люди — ими и следовало заселить территорию. Иными словами, восприятие на тот момент природных ресурсов в виде бездонной кладовой неисчисляемых богатств и возможности обогащения отражалось в пренебрежении сбалансированной связью коренных жителей Севера с природой¹⁷, что и стало в советский период основанием для формирования специфичных форм исключения *через игнорирование жизненного опыта и подавление личности* в процессе воспроизводства и содержания рабочей силы.

Советская власть в ходе догоняющей модернизации не только продолжила политику колонизации Севера, но и политику этатизма, которая уже в 1930-х гг. утвердилась в её крайней форме — тоталитаризме. Первоначально советское правительство активно сотрудничало со специалистами прежней системы, подготавливая новые кадры. Совместными усилиями «старых» и «новых» кадров догоняющей модернизации было придано ускорение. Население северных территорий начало стремительно расти и складываться в результате интенсивного миграционного оборота. Север одновременно становился зоной промышленного освоения и местом наказания неугодных государству. В сталинский период это, прежде всего, осуждённые по политическим мотивам и спецпереселенцы; позже — представители преступного мира.

При освоении Севера вкладывались не экономические излишки, а трудовые ресурсы. Если впоследствии безжалостная практика использования системы ГУЛАГ НКВД СССР подверглась жёсткой критике, то вклад в развитие территории местных крестьян (экспроприация крестьянских хозяйств, принудительное привлечение к труду одновременно на предприятиях и на земле) остался незамеченным. Между тем, испытывая регулярные притеснения со стороны представителей системы ГУЛАГ, местные жители нередко одновременно были вынуждены решать продовольственные проблемы и работать на лесоповалах. Формально государство не несло никакой ответственности за положение колхозников, перекладывая это бремя на них самих: при росте трудодней денежное содержание сокращалось и

---

¹⁶ Единичные размышления учёных — противников колонизации Севера — царским правительством не были восприняты. По мнению А.А. Чарушина (1) не следует безоглядно равняться на опыт других стран, забывая об особенностях образа жизни крестьян; (2) сама природа — неустранимое препятствие, и с этим надо считаться; (3) переселенцы-колонисты не обладают необходимыми ресурсами для адаптации на новом месте (Чарушин А.А. Вопросы колонизации Севера // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911, № 4. С. 259–265). А П. Сорокин считал, что вообще не нужно никакой колонизации Севера, достаточно поднять сельскохозяйственную культуру крестьян-старожилов (Сорокин П.А. Печорская экспедиция и колонизация Зырянского края // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911, № 8–9. С. 645–651).

¹⁷ В то же время следует отметить, что идеи гармонизации отношений человека и природы получили распространение сто лет спустя.

зачастую не выплачивалось. Без очевидных фактов явного сопротивления, выраженных в отказе от работы, вредительстве и / или других способах намеренного подрыва экономики, качество жизни крестьян падало до уровня принудительных мигрантов [22, Лыткина Т.С., Фаузер В.В., с. 105].

Достаточно быстро лесозаготовительная отрасль при минимальных финансовых затратах стала «главным валютным цехом», обеспечив проведение дальнейших геологоразведывательных работ на Севере. В последующем доходы от добычи полезных ископаемых стали основой в реализации планов расширенной индустриализации всей страны. Вместе с ростом потребности в квалифицированных специалистах для нефтегазовой отрасли и добычи каменного угля возникает необходимость формирования системы стимулирования труда на Севере для привлечения сюда новых, уже подготовленных системой, молодых советских кадров. На смену принудительной миграции, проводимой без учёта интересов отправляющей и принимающей сторон, возможностей размещения людей и создания элементарных социально-бытовых условий для работы и жизни, формируется система льгот и благ для «покорителей Севера», строятся новые рабочие города с развёрнутой инфраструктурой. По существу, государство через переговоры с предприятиями делегировало им заботу о своих гражданах. Предприятия, ставшие эпицентрами распределения благ [23, Burawoy M.], выстраивали кварталы жилых комплексов, строили детские сады и санатории. Масштабы и качество предлагаемых благ зависели от престижа отрасли и не были увязаны с перспективами развития северной территории. Однако подобная забота о трудовых мигрантах способствовала формированию потребительского отношения к месту временного проживания и закреплению за ними приоритетного права на высокие доходы. Иными словами, имеющиеся привилегии и льготы способствовали прикреплению человека к рабочему месту, но не к среде обитания. Приезжающие на Север работники в первую очередь становились частью трудовых коллективов, а не местного сообщества, причастного к развитию территории. Определение вариантов развития территории или стандартов комфортного проживания и вовсе оставалось исключительно в компетенции государства, исходившего из интересов экономики мобилизационного типа ¹⁸.

Местные жители, преимущественно, проживающие в сельских районах, оказались «отрезаны» от рабочих мест в престижных отраслях и тех благ, которые им предоставлялись ¹⁹. Преодолеть существующие барьеры для интеграции в распределительную систему совет-

---

¹⁸ Северные города преимущественно застроены панельными «коробками». Жилых домов, представляющих интерес с архитектурной точки зрения, мало. Все они построены до революции или в сталинский период. Исключение составляют такие города, как Салехард и Ханты-Мансийск. В качестве достопримечательностей в лучшем случае выступают учреждения соцкультбыта, которых в Европейской части Севера больше, чем в Азиатской, но и их число с началом экономических реформ значительно сократилось.

¹⁹ Косвенным доказательством является национальный состав жителей «ресурсных» городов. Так, например, в Республике Коми на 2010 г: в Воркуте проживает 1,7% коми, в Ухте — 7,9%, в Инте — 11,4%, в Усинске — 14,8%.

ского времени²⁰ им удалось частично, благодаря лесозаготовительным отраслям, утратившим к тому времени приоритетное значение для развития экономики, но по-прежнему вносящим в бюджет страны внушительные доходы. Их интеграция в распределительную систему [24, Ladanyi J., Szelenyi I.] оказалась условной и не сопоставимой ни с нанесённым им ущербом в реализации традиционного образа жизни, ни с размерами той части доходов, которые им возвращались от добычи природных ресурсов. На фоне северных городов места проживания коренных жителей выглядели удручающе: инфраструктура уступала, снабжение товарами было хуже, а качество государственных услуг ниже. Между тем процессы российской колонизации Севера продолжали рассматриваться с точки зрения способа развития человечества и культурного просвещения, плохо приспособленных к условиям жизни народов [25, Рыбаковский Л.Л.].

Основная задача освоения Севера, заключающаяся в получении доступа к добыче природных ресурсов, была достигнута. В отличие от капиталистических стран, специфика проявления власти и богатства [26, Walker R.] нашла отражение не в индивидуальных, а в государственных мегапроектах: масштабной индустриализации, безвозмездной помощи союзным республикам и развивающимся странам в ущерб созданию комфортной среды проживания для своих граждан. Но при этом плановая система сдерживала гражданскую активность и участие в управлении развитием территории и не предполагала формирования общей северной идентичности. В результате жители северных регионов, не обладая историей совместной деятельности, обуславливающей социокультурную привязанность к территории²¹, с переходом страны к рынку и дальнейшей её капитализацией не смогли сформулировать общие задачи и способы защиты своих прав, что привело к дальнейшей актуализации исторически сложившихся практик дискриминации. Иными словами, нарушение прав, игнорирование интересов, непризнание различий и изоляция опыта местных жителей получили распространение в новой системе, но при этом число исключённых увеличилось: в их числе также оказалось второе поколение добровольных мигрантов.

Мы утверждаем, что сегодня происходит вытеснение Российского Севера и отражается оно не только в сложившихся практиках социального исключения, но и в экспансии капитализма: захвате ресурсов и расширении капиталистических методов производства. Сначала в 1990-х гг. промышленность Севера утонула в глубоком экономическом кризисе: более половины предприятий были признаны банкротами [11, Лыткина Т.С.], а оставшиеся лишь уси-

---

²⁰ Прежде всего, из-за существующих ограничений паспортного режима крестьяне не имели права передвижения крестьян даже по территориям, куда принудительно свозились репрессированные. После отмены ограничений в 1974 г., и, начавшейся паспортизации в 01.01.1976, а закончившейся только 31.12.1981, между городом и деревней установился непрерывный поток людей и ресурсов.

²¹ Север воспринимался как «дом», но не как «Родина» (Heleniak T. The role of attachment to place in migration decisions of the population of the Russian North // *Polar Geography*, 2009, vol. 32, issue 1–2, pp. 31–60. DOI: 10.1080/10889370903000398, Bolotova A., Stammer F. How the North became home. Attachment to place among industrial migrants in Murmansk region / *Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts* (eds. Southcott C., Huskey L.), 2010, pp. 193–220).

лили экспортно-сырьевую ориентацию экономики [29, Кротов П.П.]. Сокращение числа рабочих мест способствовало усилению эксплуатации. При невыплатах заработной платы, распространённой практике административных отпусков, уровень жизни северян снизился, а социальная защита фактически свернулась. Трудовые коллективы, обладавшие при прежнем политическом режиме потенциалом солидарного действия, утратили способность к мобилизации, а регионы, в результате преобразования системы распределения благ, налоговой политики в сфере добычи природных ресурсов²² и в критериях получения дотаций из федерального бюджета²³, — способность к развитию. Несмотря на то, что северные регионы России продолжают обеспечивать 38,4% поступлений в федеральный бюджет, они не имеют финансовой самостоятельности, возможностей диверсификации экономики и преодоления последствий её ресурсной специализации.

Процессы вытеснения / исключения мы можем наблюдать на примерах формирующихся структур социального неравенства [32, Лыткина Т.С., Смирнов А.В.]. Согласно статистическим данным, среднемесячная заработная плата на Севере России остаётся выше, чем в среднем по стране, но разрыв продолжает сокращаться. Если в России в 2006 г. реальные располагаемые доходы населения превысили уровень 1991 г., то на Севере, несмотря на их рост в 2000-х гг., они так и не вернулись к прежнему уровню. Процессы (вос)производства бедности здесь протекают интенсивнее и бедных становится всё больше. Сегодня доля бедных с доходами ниже прожиточного уровня в северных регионах составляет 15,4% по сравнению со среднероссийским показателем в 13,2%. В то же время уровень жизни сельских жителей, как и прежде, гораздо ниже, чем у горожан, а у мужчин выше, чем у женщин. Наиболее значимым видом неравенства является отраслевое ввиду особой роли добычи природных ресурсов в экономике Севера, однако распространение вахтового метода организации труда практически лишает местных жителей высокодоходных рабочих мест.

---

²² В 2003 г. снижена региональная доля налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) на газ с 20 до 0%, на нефть — с 20 до 14%; в 2004 г. вновь сокращена региональная доля НДПИ на нефть до 5%, а с 2009 г. НДПИ на природный газ и нефть стал полностью зачисляться в федеральный бюджет. В 2017 г. федеральный центр сократил норматив зачисления налога на прибыль в региональные бюджеты с 18 до 17%, а также уменьшил долю акцизов на нефтепродукты, зачисляемые в бюджеты регионов до 61,7%. Наконец, в 2018 г. регионы потеряли часть бюджетных доходов из-за индексации НДПИ, который уменьшил базу налога на прибыль (Юшков А.О., Одинг Н.Ю., Савулькин Л.И. Судьбы российских регионов-доноров // Вопросы экономики. 2017. № 9. С. 63–82. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-9-63-82).

²³ Сегодня приоритеты федеральных властей при инвестировании регионов носят в основном политический характер, а интересы крупного бизнеса сконцентрированы в проектах по добыче и транспортировке нефти и газа (Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010). Для примера: доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте (ВРП) Республики Коми выросла в 2005–2015 гг. с 29,4 до 33,5%, при этом более 82% инвестиций приходятся на добычу нефти и газа, а также на трубопроводный транспорт. Если исключить эти виды экономической деятельности, то окажется, что другие инвестиции сократились с 9 до 6% от ВРП. Сегодня приоритетными геостратегическими территориями Российской Федерации являются Крым, Калининградская область, Северный Кавказ, Дальний Восток и Арктическая зона (Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 09.12.2019)). Политическими интересами и борьбой за господдержку и льготы руководствуются сегодняшние инициаторы расширения Арктической зоны, а северные территории, не добившиеся вхождения в Арктическую зону, выпадают из федеральных программ и не могут рассчитывать на формирование стратегий развития.

Вытеснение Севера сопровождается сжатием социальной и инженерной инфраструктуры поселений [32, Лыткина Т.С., Смирнов А.В.]. Деформирована или утрачена и вспомогательная инфраструктура добывающей промышленности: геологоразведка, гидрометслужба [33, Эпов М.И., с. 8]. ВРП на душу населения в северных регионах сокращается, в то время как природные ресурсы приходят к истощению. Результатом хозяйственной деятельности стало и то, что промышленные города Севера лидируют по уровню экологического загрязнения и антропогенного воздействия на среду проживания [34, Битюкова В.Р.]. Наконец, отстранение государства от решений проблем Севера привело к массовому оттоку наиболее квалифицированного населения и распространению культуры пессимизма. После 1989 г. из 117 городов Севера только в областных центрах, некоторых добывающих и оборонных поселениях (29 городах) увеличилась численность населения, в остальных 88 (75,2%) она снижается. Территория начала терять творческий потенциал, что не в меньшей степени приводит к снижению качества жизни и утрате перспектив развития территории. Одни устремились в большие города за получением престижного образования, в поисках достойных доходов и возможностей профессиональной самореализации, другие лишены выбора, выстраивают жизненные стратегии, противоречащие ценностям индивидуализма, свободы и демократии, ради которого и был осуществлён переход страны к рынку в 1991 г.

Исходящая миграция как защитная реакция на давление рынка и государства

Сегодня нормальные родители, которые хотят видеть счастливыми своих детей, они сегодня их не оставят здесь в Инте, потому что здесь приходится владеть жалкое существование, в том плане, что здесь нет работы (ж., г. Инта).

Переехала бы на старости лет. Если бы в одной [квартире] дочь, а по соседству я. Там конечно легче, дров не надо, тут попробуй дрова купить на эту зарплату. Дрова, машина, стоит 3 500. Ну, куда с такой зарплатой купишь машину дров. Купишь, так и месяц голодная. А на зиму надо три машины (ж., с. Усогоorsk, Удорский р-н).

С начала 1990-х гг. потери населения от миграции составили примерно 2,3 млн человек, или 24% жителей. Отток в европейской и азиатской частях Севера в различные периоды отличался. Если до начала нулевых более интенсивный миграционный отток наблюдался в азиатской части, то в последующем — в европейской части Севера. В результате убыль оказалась примерно одинаковой (по 1,1 млн человек). Устойчивые тенденции миграционного оттока населения продолжают наблюдаться в подавляющем большинстве городов и районов. Ежегодно Север теряет около 30–40 тысяч человек. В районах Крайнего Севера отток населения втрое интенсивней, чем в приравненных к ним местностях. Наибольшая убыль населения в 2015–2017 гг. наблюдалась в Чукотском и Ямало-Ненецком АО, Республике Коми и Магаданской области. Некоторые города и районы в этих регионах теряют в год до 4%

населения. При этом очевидно, что жизнь сельских жителей на Севере менее привлекательна, чем в южных и центральных районах России: с начала рыночных реформ число сельских жителей Севера сократилось на 26% (рис. 1), тогда как по России в целом уменьшилось только на 4%. Городское население Севера за этот период сократилось на 16%, России — выросло на 1%.

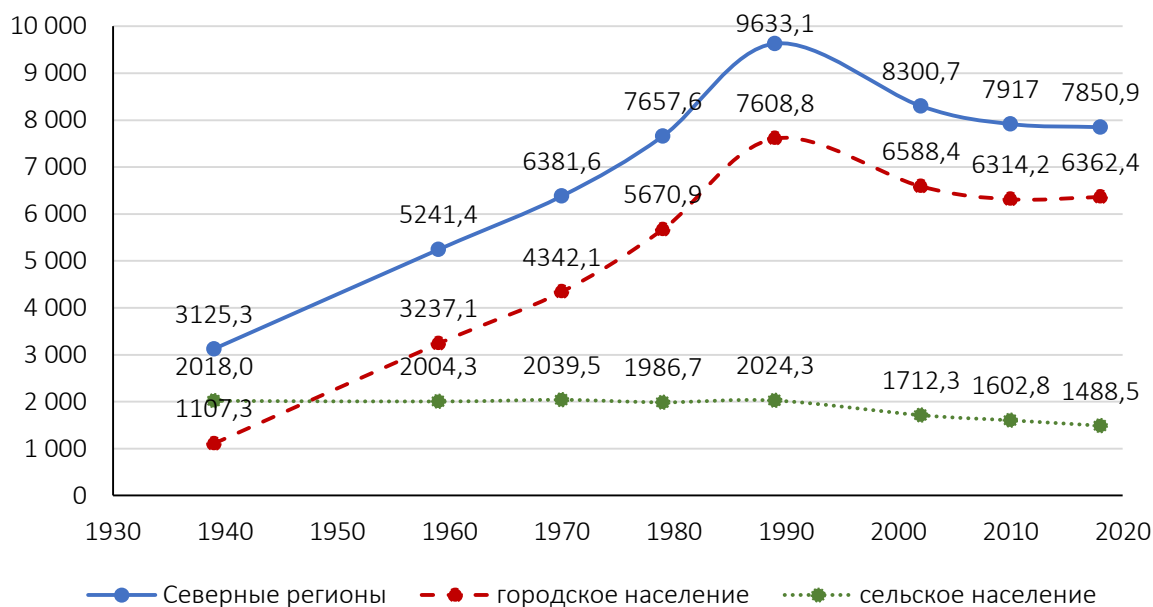

Рис. 1. Численность постоянного населения российского Севера по данным переписей населения 1939-2010 гг. и на начало 2018 г., тыс. человек²⁴.

Новые места проживания северян отличаются более благоприятным климатом и высоким качеством жизни. Прежде всего, это столичные регионы: Москва, Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области. Туда переезжают около четверти мигрантов из Севера. Обратные потоки из столиц почти вдвое меньше. Похожая ситуация и в случае с крупными южными регионами: Краснодарский край, Белгородская и Воронежская области, Крым и др.

Несмотря на то, что северные города, даже самые крупные, не выдерживают конкуренции с центральными и южными субъектами федерации внутри регионов наблюдается «подтягивание» населения к столичным центрам, где перспективы жизни, с одной стороны, более благоприятны (лучше инфраструктура, больше рабочих мест и выше доходы), а с другой — более доступны (требуется меньше средств для переезда, обучения детей). Именно поэтому миграционная ситуация в самых густонаселённых территориях выглядит относительно стабильной. В муниципальных образованиях с населением ниже 100 тыс. человек миграционная убыль в четыре раза выше, чем в крупных городах (табл. 4).

²⁴ Составлено авторами.

Таблица 4

Миграция в крупнейших городских округах Севера 2012-2017 гг.^{25,26}

Городские округа	Численность населения, тыс. человек, начало 2018 г.	Коэффициент миграционного прироста, на тысячу человек	в том числе по видам миграции		
			внутри региона	между регионами	международная
Всего	3316,4	0,5	4,3	-6,4	2,7
Архангельск	356,9	0,0	6,6	-7,3	0,7
Сургут	366,2	10,4	3,5	1,7	5,2
Якутск	328,5	8,1	13,9	-6,2	0,5
Мурманск	295,4	-9,9	1,2	-13,4	2,3
Петрозаводск	279,2	9,8	8,0	-0,4	2,2
Нижневартовск	275,4	0,5	-1,1	-3,6	5,2
Сыктывкар	260,8	0,6	7,2	-6,5	-0,1
Южно-Сахалинск	206,1	6,4	6,7	-4,5	4,1
Северодвинск	184,3	-6,3	2,6	-9,7	0,7
Петропавловск-Камчатский	181,2	-0,8	1,9	-10,8	8,1
Нефтеюганск	127,0	-6,1	-5,1	-4,1	3,1
Ухта	117,8	-5,9	5,2	-11,7	0,5
Кызыл	115,9	-4,7	2,7	-7,8	0,3
Новый Уренгой	114,8	-7,4	-2,5	-7,2	2,3
Ноябрьск	106,9	-14,0	-5,3	-12,2	3,5

Убыль особенно характерна для сельских районов Севера. Именно сёла и посёлки городского типа продолжают обеспечивать приток в крупные города внутри регионов. Покидает родные места в основном сельская молодёжь в возрасте от 15 до 19 лет. Миграция связана с получением образования, к чему более склоны девушки. Согласно анализу официальной статистики в этом возрасте девушки совершают на 29,5% перемещений больше, чем юноши. Если родители из сёл ориентируют своих детей на поступление в учебные заведения ближайших крупных городов региона, то городские — в столичные вузы за пределами региона. Учёба в центральных вузах и трудоустройство детей за пределами региона в последующем предполагает стратегию переезда родителей к своим детям после их выхода на пенсию (55–59 лет). Данному решению активно способствуют программы переселения, особенно для районов Крайнего Севера (Новый Уренгой, Ноябрьск, Воркута). Родители сельской молодёжи, лишённые поддержки государства в реализации миграционных установок, как правило, остаются дома.

Очевидно, что по мере сокращения и старения населения сёл и посёлков городского типа, возможности пополнения населения городов будут уменьшаться. Данные тенденции мы можем уже сегодня наблюдать в Мурманской области, где доля сельского населения со-

²⁵ Составлено авторами на основе данных из БД ПМО, Росстат.

²⁶ На начало 2018 г. в северных регионах России насчитывается 15 городов с населением более 100 тыс. человек, в которых проживает 42,2% населения Севера. Два городских округа ранее имели население более 100 тыс. человек, но сегодня перестали относиться к крупным: Воркута (население сократилось с 216,2 тыс. человек в 1989 г. до 77,3 тыс. человек в 2018 г.) и Магадан (сократилось со 163,6 до 99,7). Один городской округ приближается к 100 тыс. человек и скоро может войти в число крупных — Ханты-Мансийск (98,5 тыс. человек на начало 2018 г.).

ставляет всего 8%. В таких городах, как Ноябрьск, Нефтеюганск, Новый Уренгой, Нижневартовск и Норильск внутрирегиональная миграция уже давно отрицательная. Эти города в меньшей степени окружены сельскими районами и в них нет крупных учебных заведений, обеспечивающих внутренний миграционный прирост северных городов²⁷. Другая ситуация, например, в г. Ухта (Республика Коми): не обладающем столичным статусом, благодаря крупному вузу и окружению сельских районов, имеет прирост внутри региона на высоком уровне в 52,4; в свою очередь в Сыктывкаре – административном центре с вузами – миграция составляет 72,4²⁸.

Вместе с выпускниками школ Север теряет наиболее квалифицированные кадры. Наибольшую склонность к выездной миграции имеют граждане с неполным высшим (убыль 10,0 человек на 1000 жителей), высшим (9,2) и средним полным образованием (6,6). Миграционная убыль граждан с начальным профессиональным составляет всего 1,2. Если измерять образовательный потенциал населения как суммарную продолжительность обучения в годах, то окажется, что за год миграция приводит к вывозу за пределы Севера около 1,3% его образовательного потенциала. Взамен северные территории получают менее квалифицированные кадры [35, Фаузер В.В., Лыткина Т.С.]. Как правило, учёные концентрируют внимание на том, что сокращение численности населения, ухудшение возрастной структуры и отток образованных граждан негативно отражаются на демографическом и трудовом потенциалах территории [36, Фаузер В.В.], что, безусловно, так. Но оно также отрицательно отражается на социальном самочувствии и качестве жизни оставшихся жителей Севера [37, Лыткина Т.С.; 38, Лыткина Т.С.].

В абсолютном выражении наибольший отток населения приходится на трудоспособный возраст (23 тыс. человек в год)²⁹. Вместе с естественными процессами старения населения и невысокой рождаемостью это приводит к постарению возрастной структуры населения. В сельской местности данные процессы протекают быстрее. Если с 2002 г. средний возраст на Севере вырос на 3,1 года, то в сельской местности он увеличился на 3,7 лет. В целом по России он увеличился на 2,4 года (причём в городе и в селе в равной степени)³⁰. В 2017 г. каждый пятый житель Севера старше трудоспособного возраста, а демографическая нагрузка на трудоспособное население практически достигла среднероссийского уровня (716 и 764 соответственно). Результатом деформации возрастного состава становятся сокращение удельного веса населения репродуктивных возрастов, снижение рождаемости и, как след-

²⁷ Согласно анализу муниципальной статистики, вариация величины внутрирегионального миграционного прироста крупных городов Севера на 84% определяется долей студентов в населении городов.

²⁸ При расчёте учитывался приведённый контингент студентов в городах по данным мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования за 2017 год (<http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo>).

²⁹ Это в 1,7 раз больше, чем отток населения старше трудоспособного возраста (13,5 тыс. человек).

³⁰ Если в 1989 г. удельный вес детей составлял 29,3, лиц трудоспособного возраста 61,8, а доля людей старших возрастных групп 9,0, то сегодня соотношение трёх возрастных групп на Севере выглядит следующим образом: 21,5; 59,1 и 19,4.

ствие, депопуляция северных регионов. В последние годы естественный прирост сменился убылью в Республике Коми, Мурманской и Магаданской областях.

В то же время мы имеем возможность наблюдать привлекательность Севера для трудовой миграции, особенно для мужчин в возрасте от 20 до 54 лет. Наибольшее число трудовых мигрантов в 2015–2017 гг. составили выходцы из Башкортостана, Дагестана и Омской области. Что касается стран ближнего зарубежья, то наиболее активное участие в миграционном обмене приняли Украина (35%), Узбекистан (12%), Киргизия и Таджикистан (по 10%), Азербайджан (6%), Беларусь и Армения (по 5%). Привлекательных городов для трудовых мигрантов не так много, но все они отличаются более высокой заработной платой. Прежде всего это районы добычи нефти Ханты-Мансийского АО. Сюда едет половина трудовых иностранных мигрантов. Не менее привлекательны островные районы (Новая Земля, Курильские острова, Сахалин), связанные в последнее время с высокой оборонной активностью и развитием морских транспортных путей. Однако подобная трудовая миграция обеспечивает миграционную подвижность, не способствуя росту постоянного населения Севера.

Заинтересованность добывающих предприятий в вахтовой организации труда делает рабочие места с высокой заработной платой недоступными для местных жителей, что усугубляет их положение. В то же время следует признать, что с дальнейшим снижением уровня комфортного проживания на Севере, наличие заработка стимулирует выезд за его пределы. При этом отток населения тем выше, чем ниже комфортность проживания и возможности профессиональной самореализации, а они сегодня в представлениях северян ниже среднего уровня³¹. В качестве дополнительного аргумента мы использовали показатель продолжительности жизни³², являющимся одним из важнейших индикаторов социально-экономического развития территорий и качества жизни. Он показал, что массовый отток населения наблюдается там, где стандартизованный коэффициент смертности имеет высокие значения и превосходит 12: в Воркуте, Печоре, Усинске, Апатитах и большинстве сельских районов Севера. Худшие показатели наблюдаются на Чукотке (29,9), где продолжительность жизни мужчин не достигает даже 50 лет. Напротив, в Сургуте, Южно-Сахалинске, Кога-лыме, Якутске, Ханты-Мансийск данный показатель смертности имеет низкие значения, а миграционная убыль не наблюдается.

Важно также обратить внимание на то, что желающих выехать за пределы обжитых мест гораздо больше, но с каждым годом, вместе с падением доходов северян, реализовать миграционные намерения становится всё сложнее. На фоне утраченных преимуществ проживания в северных городах и сёлах, видимыми привлекательными сторонами становятся

³¹ Проект РФФИ № 18-410-110002 «Занятость населения в малом предпринимательстве (на примере Республики Коми)», 2018–2020 гг. (рук. М. Терентьева)

³² Для измерения влияния качества жизни на коэффициент миграционного прироста территорий применялся стандартизованный коэффициент смертности, отражающий продолжительность жизни и общий уровень благополучия населения. Линейный коэффициент корреляции с миграционным приростом по 195 городам и районам Севера составил - 0,55, что существенно выше зависимости от заработной платы (0,07).

размеренная спокойная жизнь, поддержка друзей и родственников в решении повседневных проблем, а также природа северного края. Однако отказ от миграции и привязанность к родным местам всё чаще связываются с недостатком индивидуальных (семейных) ресурсов для отъезда и последующей адаптации на новом месте, в то время как видимые преимущества жизни на севере служат оправданием сохранения прежнего места жительства. Менее всего склоны к выезду коренные жители Севера, проживающие в худших условиях по сравнению с остальными северянами. Малочисленные коренные народы Севера³³ в миграционном обмене практически не участвуют. Этот вопрос требует дополнительного изучения.

Заключение

На примере российского Севера мы стремились показать причины, спровоцировавшие его вытеснение. Они лежат как в недавнем прошлом, так и в проводимой сегодня неолиберальной политике, а именно: в восприятии Севера как территории, богатой природными ресурсами, и в пренебрежительном отношении к проживающим здесь гражданам. В работе доказывается, что формирование локальных северных сообществ не предполагало ни защиту интересов коренных жителей, ни проявление гражданских инициатив и ответственности за развитие территории, ни формирование общей северной идентичности.

В советский период идентичность формировалась вокруг рабочего места, способствуя (вос)производству социального исключения в виде практик взаимодействия при превосходстве одних и молчаливом сопротивлении других. Этому немало способствовала советская политика распределения. С одной стороны, она исключала местные сообщества из системы распределения благ, организовав иерархию приоритетных отраслей в экономике, а с другой — через каналы вертикальной мобильности обеспечивала доступ к другим благам: образованию, здравоохранению, возможностям профессионального и должностного роста.

С началом капитализации начался новый этап изъятия природных ресурсов, а следовавшая за ним деформация социальных отношений усугубила ситуацию и привела к серьёзным препятствиям в выработке общих интересов северян. Процессы исключения через политику игнорирования интересов северян нашли продолжение и получили дальнейшее распространение: теперь в зону исключения попадают не только коренные жители Севера, но и второе поколение добровольных мигрантов, рождённых на Севере и ставших его заложниками. Как и более ста лет назад, политика формирования постоянного населения сменилась политикой временного проживания, но теперь уже благодаря вахтовому методу организации труда. Труд местных жителей не только становится невостребованным, но и ме-

---

³³ Внутри одних и тех же районов населённые пункты с преобладанием русского населения (по данным переписи 2010 г.) демонстрируют показатели подвижности в несколько раз выше, чем с преобладанием коренных народов. Это справедливо для народов с разных территорий и относящихся к разным языковым группам. В тех редких случаях, когда малочисленные народы участвуют в миграциях, они быстро «растворяются» в другой культурной среде. Что на наш взгляд, связано с дискриминационными практиками социального взаимодействия, улавливаемыми коренными жителями Севера. Так, численность вепсов в России с 1989 года сократилась более чем вдвое в результате их миграционных перемещений в Санкт-Петербург и Петрозаводск.

нее оплачиваемым, происходит экстенсивное использование инфраструктуры. Миграционные настроения становятся защитной реакцией северян на рынок на фоне снижающегося качества жизни. В результате северные регионы массово покидают жители, в том числе молодые и квалифицированные, что провоцирует дальнейшее снижение привлекательности жизни на Севере для оставшихся.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках НИР «Население северных территорий России: история формирования и перспективы развития» (№ ГР АААА-А19-119012190103-0, 2019-2021 гг.). Авторы выражают благодарность за замечания и комментарии, за дружескую поддержку и участие В.В. Фаузеру и С.С. Ярошенко, за помощь в сборе и анализе статистики Г.Н. Фаузер.

Литература

1. Щербакова Е.М. Миграция в России, итоги первого полугодия 2018 года // Демоскоп Weekly. 2018. № 783–784.
2. Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 24–34.
3. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. Т. 30. № 1. С. 34–50.
4. Рязанцев С.В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 105–111. DOI: 10.7868/S0132162518010117
5. Лыткина Т.С., Ярошенко С.С. Возможна ли социология для трудящихся классов сегодня? // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 101–123. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-101-123
6. Смирнов С., Гарсия-Исер М. Миграция с Крайнего Севера: намерения и возможности маргинальных групп населения // Мир России. 1998. Т. 7. № 4. С. 57–92.
7. Ефремов И.А. Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // Регионология. 2016. № 4 (97). С. 140–159.
8. Sassen S. Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy, Cambridge, MA: Belknap Press, 2014.
9. Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Involution and Destitution in Capitalist Russia // Ethnography. 2000. Vol. 1 (1). Pp. 43–65. DOI: 10.1177/14661380022230633
10. Ярошенко С.С. Бедность в постсоциалистической России. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005.
11. Лыткина Т.С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации / Дисс. ... канд. социол. наук. М., 2005.
12. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Арктическое предпринимательство: условия и возможности развития // Арктика: экология и экономика. 2016. № 4 (24). С. 4–15.
13. Dörre K. Social Classes in the Process of Capitalist Landnahme. On the Relevance of Secondary Exploitation // Socialist Studies / Études socialistes. 2010. Vol. 6 (2). Pp. 43–74. DOI: 10.18740/S4G880
14. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016.
15. Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City / Russia in the New Century: Stability or Disorder? Boulder Co.: Westview Press. 2000. Pp. 231–257. DOI: 10.4324/9780429497513
16. Burawoy M. The Roots of Domination: Beyond Bourdieu and Gramsci // Sociology. 2012. Vol. 46. No. 2. Pp. 187–206.
17. Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX — первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во Поморского гос. университета, 1998.
18. Каменев А.А. У поморов Сумского посада // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 17. С. 12–16.

19. Лыткина Т.С., Фаузер В.В. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 1. С. 90–109.
20. Burawoy M. The State and Economic Involution: Russia Through a China Lens // World development. 1996. Vol. 24. No 6. Pp. 1105–1117.
21. Ladanyi J., Szelenyi I. Patterns of exclusion: Constructing Gypsy ethnicity and the making of the underclass in transitional societies in Europe. NY: East European monographs. Boulder Co. 2006.
22. Рыбаковский Л.Л. Колонизация азиатской части России: особенности осуществления и геополитические последствия // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 38–47. DOI: 10.31857/S013216250000760-9
23. Walker R. Why Cities? A Response // International Journal of Urban and Regional Research. 2016. Vol. 40 (1). Pp. 164–180. DOI: 10.1111/1468-2427.12335
24. Кротов П.П. Симптомы «Голландской болезни», найдётся ли лекарство? Возможности экономической стабилизации ресурсного региона // Республика Коми: власть, бизнес, политика. Сыктывкар. 1998. С. 8–30.
25. Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? // Мир России. 2019. Т. 28. № 3. С. 27–47. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47
26. Эпов М.И. Нужен системный междисциплинарный подход к арктическим исследованиям // ЭКО. 2017. Том 47. № 9. С. 7–25. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2017-9-7-25
27. Битюкова В.Р. Экологический рейтинг городов России // Экология и промышленность России. 2015. Т. 19. № 3. С. 34–39.
28. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. 2017. Том 16. № 1 (120). С. 141–149. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149
29. Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России — фактор и условие экономического развития Арктики // Экономика региона. 2014. № 4. С. 69–81.
30. Лыткина Т.С. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 3. С. 33–47.
31. Лыткина Т.С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2014. № 3. С. 144–151.

References

1. Shherbakova E.M. Migratsiya v Rossii, itogi pervogo polugodiya 2018 goda [Migration in Russia, the results of the first half of 2018]. *Demoskop Weekly*, 2018, no. 783–784.
2. Rybakovskiy L.L. Migratsionniy potencial: kriterii otsenki i sovremennye masshtaby [Migration potential: assessment criteria and current dimensions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2011, no. 4, pp. 24–34.
3. Mukomel' V.I. Integratsiya migrantov: vyzovy, politika, sotsial'nye praktiki [Migrant integration: challenges, politics, social practices]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2011, vol. 30, no. 1, pp. 34–50.
4. Ryazantsev S.V. Integratsiya migrantov v kontekste vneshney migratsionnoy politiki Rossii [Integration of migrants in the context of Russia's foreign migration policy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2018, no. 1, pp. 105–111. DOI: 10.7868/S0132162518010117
5. Lytkina T.S., Yaroshenko S.S. Vozmozhna li sotsiologiya dlya trudyashhikhsya klassov segodnya? [Is sociology for the working classes possible today?]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2019, vol. 28, no. 1, pp. 101–123. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-101-123
6. Smirnov S., Garsiya-Iser M. Migratsiya s Krainego Severa: namereniya i vozmozhnosti marginal'nykh grupp naseleniya [Migration from the Far North: intentions and opportunities of marginalized groups]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 1998, vol. 7, no. 4, pp. 57–92.
7. Efremov I.A. Sovremennye migratsionnye protsessy na Krainem Severe Rossii [Modern migration processes in the Far North of Russia]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies = REGIONOLOGY], 2016, no. 4 (97), pp. 140–159.

8. Sassen S. *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*. Cambridge, MA: Belknap Press, 2014.
9. Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Involution and Destitution in Capitalist Russia. *Ethnography*, 2000, vol. 1 (1), pp. 43–65. DOI: 10.1177/14661380022230633
10. Yaroshenko S.S. *Bednost' v postsotsialisticheskoy Rossii* [Poverty in Post-Socialist Russia]. Syktyvkar: Komi NC UrO RAS Publ., 2005. (In Russ.)
11. Lytkina T.S. *Ekonomicheskoe povedenie «novykh bednykh» v usloviakh sotsial'noj transformatsii* [The economic behavior of the “new poor” in the context of social transformation]. Diss. ... kand. sociol. nauk [Dis. ... cand. sociol. of sciences]. Moscow, 2005.
12. Pilyasov A.N., Zamyatina N.Yu. Arkticheskoe predprinimatel'stvo: usloviya i vozmozhnosti razvitiya [Arctic entrepreneurship: the conditions and opportunities for development]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2016, no. 4 (24), pp. 4–15.
13. Dörre K. Social Classes in the Process of Capitalist Landnahme. On the Relevance of Secondary Exploitation, *Socialist Studies / Études socialistes*, 2010, vol. 6 (2), pp. 43–74. DOI: 10.18740/S4G880
14. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. *Demograficheskie i migratsionnye processy na Rossiyskom Severe: 1980–2000 gg.* [Demographic and migration processes in the Russian North: 1980–2000]. Syktyvkar, SGU named after Pitirim Sorokin Publ., 2016. (In Russ.)
15. Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. *Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City, Russia in the New Century: Stability or Disorder?* Boulder Co., Westview Press Publ., 2000, pp. 231–257. DOI: 10.4324/9780429497513
16. Burawoy M. The Roots of Domination: Beyond Bourdieu and Gramsci. *Sociology*, 2012, vol. 46, no. 2, pp. 187–206.
17. Korotaev V.I. *Russkiy Sever v kontse XIX — pervoy treti XX veka. Problemy modernizatsii i sotsial'noj ekologii* [Russian North at the end of the XIX — the first third of the XX century. Problems of modernization and social ecology]. Arhangel'sk, PSU named after M.V. Lomonosov, 1998. (In Russ.)
18. Kamenev A.A. U pomorov Sumskogo posada [At the Pomors of Sumy Posad]. *Izvestiya Arhangel'skogo obshchestva izuchenija Russkogo Severa*, 1910, no. 17, pp. 12–16.
19. Lytkina T.S., Fauzer V.V. Gosudarstvennoe upravlenie prinuditel'noy migratsiei kak sposob osvoeniya Severa Rossii v 1930–1950-e gg. [Forced Migration as a Way of Russian North Development in the 1930s–1950s]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2016, no. 1, pp. 90–109.
20. Burawoy M. The State and Economic Involution: Russia Through a China Lens. *World development*, 1996, vol. 24, no 6, pp. 1105–1117.
21. Ladanyi J., Szelenyi I. *Patterns of exclusion: Constructing Gypsy ethnicity and the making of the underclass in transitional societies in Europe*. NY: East European monographs, Boulder Co, 2006.
22. Rybakovskiy L.L. Kolonizatsiya aziatskoi chasti Rossii: osobennosti osushchestvleniya i geopoliticheskie posledstviya [Colonization of the Asian part of Russia: the features of implementation and geopolitical consequences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2018, no. 8, pp. 38–47. DOI: 10.31857/S013216250000760-9
23. Walker R. Why Cities? A Response. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2016, vol. 40 (1), pp. 164–180. DOI: 10.1111/1468-2427.12335
24. Krotov P.P. Simptomy «Gollandskoy bolezni», naidetsya li lekarstvo? Vozmozhnosti ekonomicheskoy stabilizatsii resursnogo regiona [Symptoms of the Dutch disease, is there a cure? Opportunities for economic stabilization of the resource region]. *Respublika Komi: vlast', biznes, politika* [Komi Republic: power, business, politics], Syktyvkar, 1998, pp. 8–30.
25. Lytkina T.S., Smirnov A.V. Rossiyskiy Sever v usloviyah global'noyneoliberal'noy politiki: preodolenie prostranstvennogo neravenstva ili vytesnenie? [The Russian North in the Context of Global Neoliberal Politics: Overcoming Spatial Inequality or Expulsion]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2019, vol. 28, no. 3, pp. 27–47. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47
26. Epov M.I. Nuzhen sistemnyy mezhdistsiplinarnyy podkhod k arkticheskim issledovaniyam [We Need a Systematic Multidisciplinary Approach to Arctic Research]. *EKO* [ECO], 2017, vol. 47, no. 9, pp. 7–25. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2017-9-7-25
27. Bitukova V.R. *Ekologicheskiy reiting gorodov Rossii* [Environmental Rating of Cities of Russia]. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii* [Ecology and Industry of Russia], 2015, vol. 19, no. 3, pp. 34–39.

28. Fauzer V.V., Lytkina T.S. Migratsionnye processy na rossiyskom Severe [Migration Processes in the Russian North]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social policy and sociology], 2017, vol. 16, no. 1 (120), pp. 141–149. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149
29. Fauzer V.V. Demograficheskiy potentsial severnykh regionov Rossii – faktor i uslovie ekonomicheskogo razvitiya Arktiki [The demographic potential of the northern regions of Russia – a factor and condition for the economic development of the Arctic]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2014, no. 4, pp. 69–81.
30. Lytkina T.S. Sotsialniy potentsial severnogo goroda: ot ignorirovaniya k priznaniyu [The Social Potential of the Northern City: from Ignorance to Recognition]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2014, no. 3, pp. 33–47.
31. Lytkina T.S. Chelovek na Severe posle raspada SSSR: ot priznaniya k ignorirovaniyu [Man in the North after disintegration of the USSR: from recognition to ignoring]. *Izvestiya Komi NC UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 2014, no. 3, pp. 144–151.